

IN VARIA

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-01-09>**ЯЗЫКОВЫЕ УСТАНОВКИ, ИДЕОЛОГИИ И ПРАКТИКИ НОСИТЕЛЕЙ
МИНОРИТАРНЫХ ЯЗЫКОВ: ОПЫТ НАРРАТИВНО-ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА**

УДК 81'272

Александр А. Артамонов

Национальный
исследовательский
университет «Высшая школа
экономики»
Москва,
Российская Федерация

Примечание⁶⁹

Исследование выполнено в
рамках проекта FMNE-2025-
0014, поддержанного
Министерством науки и
высшего образования РФ, и
проекта «Язык, литература,
культура в историческом и
социальном измерении»
(HSE-BR-2025-031).

Эржен В. Хилханова

Институт языкознания
Российской академии наук
Москва,
Российская Федерация

Примечание⁶⁹

Исследование выполнено в
рамках проекта FMNE 2025-
0014, поддержанного
Министерством науки и
высшего образования РФ

Аннотация

Работа посвящена изучению языковых установок, языковых идеологий и языковых практик носителей миноритарных языков (чукотского, науканского эскимосского, чаплинского эскимосского и эвенского) в Чукотском автономном округе. Для этого использован метод нарративно-дискурсивного анализа, позволяющий увидеть в нарративах реконструкцию прошлого опыта сквозь призму установок и идеологий рассказчиков. При анализе структуры нарративов исследование опирается на модель У. Лабова. В элицитированных дискурсах было выделено 134 нарративных и дискурсивных эпизода и 7 тематических блоков. Собственно языковые установки и идеологии обнаруживаются в нарративных эпизодах, в то время как дискурсивные эпизоды носят описательный характер и сообщают о текущем положении дел. Установлено, что носители оценивают положение чукотского, эвенского и языков юпикской группы как неблагополучное. По данным исследования, хотя языки и пережили процесс русификации Севера в советский период, языковые установки и практики людей, включая передачу языков детям, зависят от ряда факторов: условий первичной социализации информантов (выросли ли они в тундре или «национальных» поселках), установок и идеологий большинства, поколенческих факторов. Так, в отличие от старшего поколения, те, чьё становление пришлось на период возрождения этнического самосознания в 1990-х гг., сформировали новые языковые идеологии и практики, в том числе с использованием новых информационных технологий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковые установки, языковые практики, нарратив, нарративно-дискурсивный анализ, миноритарные языки, Чукотка

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Александр А. Артамонов, Эржен В. Хилханова, 2026

⁶⁹ Соавтор А. А. Артамонов осуществил сбор и анализ языковых данных, определение теоретико-методологической рамки. Соавтор Э. В. Хилханова осуществила коррекцию теоретико-методологической рамки и подготовку статьи к изданию. Оба автора участвовали в написании введения, заключения и редактировании статьи.

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-01-09>

LANGUAGE ATTITUDES, IDEOLOGIES, AND PRACTICES OF MINORITY LANGUAGE SPEAKERS: THE EXPERIENCE OF NARRATIVE-DISCURSIVE ANALYSIS

UDC 81-119

Alexander A. Artamonov

National Research University
Higher School of Economics
Moscow, Russian Federation

Acknowledgments⁷⁰

The paper also presents the results of the project "Language, literature and culture in historical and social perspective" (HSE-BR-2025-031), carried out within the framework of the Basic Research Program at HSE University.

Erzhen V. Khilkhanova

Institute of Linguistics of the
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

Acknowledgments⁷⁰

This work was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation under project FMNE-2025-0014.

Abstract

This work focuses on language attitudes, ideologies and practices of speakers of minority languages (Chukchi, Naukan Yupik, Chaplin Yupik and Ewen) in the Chukotka Autonomous Okrug. Narrative-discursive analysis is employed to reveal how past experience is reconstructed through the prism of the narrators' attitudes and ideologies. When analysing the structure of the narratives, the study draws on W. Labov's model. In the elicited discourses, 134 narrative and discursive episodes and 7 thematic blocks were identified. Language attitudes and ideologies are found in narrative episodes, while discursive episodes are descriptive in nature and report on the current state of affairs. It has been established that native speakers assess the situation of the Chukchi, Even, and Yupik languages as unfavourable. According to the study, although the languages survived the process of Russification of the North during the Soviet period, people's language attitudes and practices, including the transmission of languages to children, depend on such factors as the conditions of the informants' primary socialisation (whether they grew up in the tundra or in 'national' settlements), the attitudes and ideologies of the majority, and generational factors. Unlike the older generation, those who came of age during the 'ethnic revival' in the 1990s formed new language ideologies and practices, including the use of new information technologies.

KEYWORDS: language attitudes, language practices, narrative, narrative-discursive analysis, minority languages, Chukotka

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Alexander A. Artamonov, Erzhen V. Khilkhanova, 2026

⁷⁰ Co-author A. Artamonov collected and analyzed the linguistic data and defined the theoretical and methodological framework. Co-author E. Khilkhanova corrected the theoretical and methodological framework and prepared the article for publication. Both authors participated in writing the introduction, conclusion, and editing of the article.

1 | Введение

В данной работе ставится цель изучить ряд тесно взаимосвязанных явлений: языковые установки, языковые идеологии и языковые практики носителей миноритарных языков (далее МЯ) в одном из отдалённых регионов России – Чукотском автономном округе. Для изучения этих субъектно-связанных феноменов нами использован *метод нарративно-дискурсивного анализа*, который позволяет оценивать субъективные данные в широком экстралингвистическом контексте. Говоря вкратце, нарративный анализ позволяет увидеть, как человек воссоздаёт опыт прошлого во время построения рассказа в настоящем, а дискурсивный анализ помогает исследователю выявить истинное отношение (эмоции, оценку) говорящего при анализе элицитированного дискурса. Поскольку анализ не только содержания, но и *структуры* нарративного дискурса не столь часто используется применительно к российскому материалу, акцент будет сделан, во-первых, на описании методологии исследования, его теоретической основы и процедуры исследования, во-вторых, на анализе полученных результатов с привлечением фрагментов полученных дискурсов.

Ввиду ограничений объёма статьи о самом регионе будет сказано коротко. Чукотка является довольно богатой в плане этноязыкового разнообразия территорией: здесь проживают носители таких МЯ, как науканский эскимосский, чукотский, чаплинский эскимосский и эвенский. Поскольку все эти языки находятся под угрозой исчезновения, под *носителем языка* мы будем понимать индивида, который обладает хотя бы минимальными языковыми компетенциями.

Далее необходимо прокомментировать терминологию, используемую при обозначении данных языков. С середины прошлого столетия камнем преткновения в зарубежной и отечественной лингвистике было обозначение языка эскимосов. В советском языкознании существовала позиция, согласно которой все эскимосы говорят на одном эскимосском языке, чаплинские эскимосы – на чаплинском диалекте, науканские – на науканском, но свой язык был у сиренинских эскимосов. В качестве литературной нормы был принят чаплинский диалект [Меновщиков, 1964; Меновщиков, 1975; Меновщиков, 1990]. Зарубежная лингвистика, напротив, считает все три варианта отдельными языками, при этом чаплинский и науканский входят в группу юпик, а положение сиренинского до сих пор не определено [Jacobson, 2005; De Reuse, 2013]. Не придерживаясь ни одной из указанных точек зрения, мы в данной работе будем употреблять словосочетание «эскимосский язык» в двух контекстах: (1) для обозначения языка чаплинских эскимосов в эпоху СССР; (2) для обозначения предмета образовательной программы в школах и колледжах Чукотского автономного округа. Для

обозначения науканского и чаплинского мы предпочтём использовать общий для двух вариантов термин – язык юпикской группы.

2 | Теория и методология исследования

Мы исходим из того, что вербализация пережитого языкового опыта в настоящем времени, при квази-спонтанном речепорождении, позволяет определить индивидуальные и групповые языковые установки и связанные с ними языковые идеологии. Мы интерпретируем *языковую установку* (далее ЯУ) как подвид социальной установки, который отражает восприятие и ценность языка в обществе.

Что же касается понятие «идеология», мы будем придерживаться широкой интерпретации этого понятия, где акцент *не* делается на политических коннотациях [Хилханова, 2025]. Идеология понимается как *систематизированная совокупность идей, единая концепция, которая выражает интересы различных групп*. Соответственно, языковые идеологии (далее ЯИ) – это групповые представления о языке, его природе, функциях и ценности, имеющие и индивидуальное измерение и предопределяющие языковое поведение членов социума.

Тем самым как ЯИ, так и ЯУ влияют на *языковые практики* – совокупность речевого поведения и коммуникативных проявлений, которые бытуют в определённом сообществе.

ЯИ и ЯУ в целом не поддаются прямому наблюдению. Н. Шварц и Г. Бонер утверждают, что в условиях эксперимента демонстрация установок информантом проходит поэтапно и подвергается сильному контекстуальному влиянию [Schwarz et al., 2001: 438–439]. В первую очередь информант анализирует вопрос, заданный исследователем, и пытается выявить основную проблему (другими словами: что именно хочет узнать исследователь). Затем наступает фаза активных когнитивных процессов, во время которых происходит первичное формирование ответа. Сначала информант извлекает из памяти релевантную информацию, которая соответствует выявленным в поставленном вопросе смыслам, и добавляет к ней субъективные характеристики (отношение к факту, оценка действий и так далее). В дальнейшем происходит вербализация, т. е. формулирование ответа с учётом особенностей контекста. Отвечая на поставленный вопрос, информант зачастую добавляет новую (и при этом релевантную) информацию, тем самым модифицируя собственные реплики [там же: 440].

Мы рассматриваем такой элицитированный дискурс не просто как связный текст, а как *нарратив*. Нарратив есть *реконструкция*, а не репрезентация, следовательно, он ставит целью не продемонстрировать настоящее положение дел, а воссоздать опыт прошлого с

интерпретацией реальности. *Нарратив* – это, прежде всего, вербализация извлечённой из памяти информации, которая наложила определённый отпечаток на сознание индивида.

Как известно, основными видами нарративов являются *придуманные повествования*, собранные путем эликации с помощью невербальных стимулов – картинок, видео и т. д., и *личные рассказы* [Pavlenko, 2008]. На наш взгляд, наиболее адекватным инструментом, который обеспечивает качественное и достоверное выявление ЯУ, ЯИ и практик, является анализ *личного рассказа*. Основанием для выбора данного дискурсивного поджанра стали следующие причины. Во-первых, личный рассказ чаще всего строится вокруг одного индивида: рассказчик и главный герой повествования совпадают, что создаёт автобиографию, которая не поддаётся фактологической верификации [Кутковая, 2014]. Во-вторых, в личных рассказах превалирует оценочный компонент, который также влияет на объективность излагаемой информации. С другой стороны, целью такого рассказа является не столько непредвзятая характеристика конкретных событий прошлого, сколько позиционирование рассказчиком самого себя. Таким образом, именно в личном рассказе субъект максимально точно конструирует или воссоздаёт свою идентичность путём имплицитных или эксплицитных описаний своего состояния в определённый момент времени.

Что касается *структуры* нарратива, то по этому вопросу среди исследователей нет единого мнения. Большинство придерживается модели, предложенной У. Лабовым, согласно которой основным элементом нарратива является сюжет (*main line*), а факультативными компонентами – резюме (*abstract*), ориентация (*orientation*), кода (*coda*) и оценка (*evaluation*). Резюме представляет собой краткое изложение нарратива. Под ориентацией понимается разноплановый контекст, к которому отсылается нарратор. Этот контекст может строиться из минимального описания времени, местонахождения, основных героев и предшествующих событий. Сюжет является той последовательностью событий, которая ложится в основу нарратива. Он складывается за счёт осложняющих обстоятельств и резолюций. Затем при помощи коды можно выявить связь «ландшафта действий» с моментом повествования. Оценочный компонент демонстрирует отношение рассказчика к рассказываемому [Labov, 1966; Labov et al., 1966; Labov, 2004]. Есть, безусловно, и другие модели, например, модель построения автобиографий Дж. Брунера [Bruner, 2004].

На наш взгляд, наиболее полной схемой организации опыта, которая позволяет выявить глубинные смыслы (в нашем случае – ЯУ и ЯИ), является модель У. Лабова. Дело в том, что установки могут выражаться во всех структурных компонентах этой модели. В резюме и сюжете установка может быть представлена эксплицитно. Ориентация, будучи отсылкой к

контексту, может включать в себя предпосылки социального поведения рассказчика. Кода, которая представляет собой связь между ландшафтами действий и сознания, раскрывает, каких установок придерживается рассказчик в настоящее время. Наконец, в оценке установка находит непосредственное отражение: в выражении отношения рассказчика к рассказываемому проявляется сформированная модель поведения.

Таким образом, теоретическая основа исследования будет базироваться на следующих постулатах:

1) ЯУ является фактором формирования у *индивида* определённой поведенческой модели по отношению к объекту. Следовательно, ЯУ – это совокупность факторов, обуславливающих стратегии речевого поведения в широком смысле – от выбора кода и языковых единиц в процессе речепорождения до определения индивидуальной языковой политики в плане передачи языка будущим поколениям.

2) Для выявления ЯУ наиболее удачным инструментом экспертизы речи является нарративный анализ личных рассказов. Нарратив – это вербализация пережитого опыта. В структуру нарратива обязательно входит сюжет, факультативно – ориентация, кода, оценка.

Разделяемые внутри определённой группы социальные практики и установки выражаются в определённой идеологии как системе социолингвистических концепций, сформированных во взаимосвязи с моральными убеждениями общества. ЯИ конструирует лингвистическую реальность как для определённой этнокультурной группы, так и для каждого её представителя. Реальным отражением ЯИ являются языковые практики как набор коммуникативных проявлений, характерных для данной группы. Для выявления ЯИ и ЯУ в рамках пилотного исследования в 2022 г. было получено 12 полуструктурированных интервью, общим объёмом звучания 548 минут, средняя длительность – 46 минут. Результаты исследования публикуются впервые. На момент проведения интервью 9 информантов находились в г. Анадыре, 2 – в с. Анюйске и 1 – во Владивостоке. 11 информантов родились на территории Чукотского автономного округа, 1 – в г. Перми. Один информант, родившийся на Чукотке, переехал во Владивосток в 1990-е годы, и ещё один – из Перми в Анадырь в 2020 году. Участники эксперимента предоставили разрешение на запись разговора на диктофон.

Имена информантов были зашифрованы. В шифре обозначаются: порядковый номер (цифра), родной язык, согласно сведениям информантов (сокращением), возраст (число) и пол (m или f). Применяются следующие обозначения родных языков:

- Чукотский – СН (от Chukot или Chukchi);

- Чаплинский или науканский эскимосский – YU (от Yupik);
- Эвенский – EW (от Ewen);
- Русский – RU (от Russian).

Полная характеристика информантов представлена в Таблице 1.

№	Имя	Родной язык	Возраст	Пол	Род деятельности	Выборка	
						Нарративных эпизодов	Иных дискурсивных эпизодов
1.	1_YU60f	Науканский эскимосский	60	Жен	Наука, образование	6	11
2.	2_CH60f	Чукотский	60	Жен	Наука, образование; СМИ, радиовещание	6	11
3.	3_YU52f	Чаплинский эскимосский	52	Жен.	Наука, образование; СМИ, радиовещание	4	10
4.	4_EW74f	Эвенский	74	Жен.	Наука, образование	9	5
5.	5_CH38f	Чукотский	38	Жен.	СМИ, радиовещание	2	8
6.	6_CH37f	Чукотский	37	Жен.	СМИ, радиовещание	9	8
7.	7_CH77m	Чукотский	77	Муж.	Радист	3	3
8.	8_YU29f	Чаплинский эскимосский	29	Жен.	Наука, образование	5	6
9.	9_CH84f	Чукотский	83	Жен.	Медицина	4	2
10.	10_CH25f	Русский	25	Жен.	Наука, образование	2	6
11.	11_CH74f	Чукотский	74	Жен.	Наука, образование	3	5
12.	12_EW68f	Эвенский	67	Жен.	Наука, образование	2	4
ВСЕГО						55	79
						134	

Таблица 1. Общие сведения по информантам и выборке

Таблица демонстрирует явные ограничения, присутствующие в исследовании. Во-первых, распределение информантов по гендерному признаку неравномерно (10 женщин и 1 мужчина). Это связано с тем, что поиск информантов изначально осуществлялся через образовательные организации г. Анадыря, а большинство представителей коренных народов

Чукотки, которые работают в системе просвещения и образования, – это женщины. Кроме того, очевиден некоторый перекоп в профессиональной сфере информантов. Семь информантов являются или являлись до выхода на пенсию сотрудниками образовательных организаций: Чукотский институт развития образования и повышения квалификации, Чукотский многопрофильный колледж, средняя общеобразовательная школа г. Анадыря, средняя общеобразовательная школа с. Анюйска. При этом двое информантов совмещали основное место работы в образовательной организации с работой на радиостанции. Ещё двое информантов трудоустроены на той же радиостанции на полную ставку. Наконец, четверо информантов указали, что являются пенсионерами – двое из них, как было сказано выше, работали в образовательных организациях, один являлся медицинским сотрудником и один – оператором оленеводческой бригады. Тем не менее, мы полагаем, что для пилотного исследования и для установления общих тенденций такой выборки достаточно. Существует мнение, что в рамках качественного исследования выборка не обязательно должна включать большую часть населения, вместо этого она нацелена на то, чтобы максимизировать информацию, которую можно получить из одного контекста [Yin, 2016].

Учитывая цели интервью, нами была разработана особая стратегия построения коммуникации. Прежде всего, нам необходимо было выяснить, в каком языковом окружении воспитывался информант. Для этого интервьюер обращался с просьбой рассказать «о себе и свою историю на Чукотке». После этого мы выясняли, какие языковые трансформации имели место в детском и подростковом возрасте и как информант об этом рассказывает. Затем интерес представляли семейные языковые практики: выяснялось, на каком языке (каких языках) происходила коммуникация и в связи с чем был сделан выбор в пользу того или иного языка. Наконец, у информанта спрашивали, в каких сферах он(а) использовал(а) родной язык: например, ограничивалось ли употребление языка только семьёй, происходила ли коммуникация на родном языке с друзьями, товарищами, соседями, использовался ли родной язык при общении с медработниками и т. д.

Таким образом, первый блок вопросов можно условно назвать автобиографическим. Благодаря первому блоку мы смогли определить, какие установки были заложены в детстве, и предположить, подверглись ли они изменениям со временем.

Второй блок вопросов направлен на исследование языковых практик в настоящее время: используют ли информанты родной язык как средство общения внутри семьи, читают книги, газеты, журналы, слушают ли радиопередачи на нём и так далее.

Третий блок вопросов позволил определить, какие чувства испытывает информант к нынешней языковой ситуации. Во-первых, мы просили дать субъективную оценку происходящим языковым процессам. Во-вторых, информанта побуждали поразмышлять на тему взаимосвязи языка, культуры и этничности – тем самым, мы получили возможность определить языковые идеологии информанта.

Наконец, обратим внимание на сами нарративы. В качестве материала для анализа послужили коммуникативные эпизоды – отрезки речи, обладающие жанрово-композиционной связностью и тематической цельностью. Мы выделяем два вида коммуникативных эпизодов:

1) Нарративный эпизод – рассказ о своём или о чужом опыте, в котором присутствует одно или несколько основных событий. Обязательным условием нарративности является употребление форм прошедшего времени – как самих глаголов в форме прошедшего времени, так и *Praesens Historicum* (исторического настоящего времени). Истинной целью нарративного эпизода является не описать произошедшее, а передать чувства, эмоции, выразив тем самым своё отношение к факту прошлого.

2) Дискурсивный эпизод понимается нами в широком смысле. Это вид коммуникативного эпизода, главной целью которого ставится описание некоего феномена в прошлом или настоящем, обозначение перспектив и надежд. В дискурсивном эпизоде также выражаются чувства и эмоции по отношению к происходящему, однако его отличает от нарратива отсутствие линейной структуры. В дискурсивном эпизоде нельзя выделить основное событие.

В общей сложности было выделено 178 коммуникативных эпизодов, из них 134 (55 нарративных и 79 дискурсивных) удовлетворяют исследовательским требованиям данной работы.

3 | Результаты и обсуждение

Мы сгруппировали реплики информантов по тематическим блокам, которые отражены далее в подзаголовках. Темы выражались информантами как эксплицитно, так и имплицитно. Более того, внутри одного коммуникативного эпизода могло раскрываться несколько тем. Далее будут рассмотрены примеры нарративного и/или дискурсивного эпизодов в рамках каждого блока; для соблюдения требований к объёму статьи тематический блок будет иллюстрироваться одним-двумя примерами.⁷¹

Конструирование этнической идентичности.

В этот блок включены дискурсивные фрагменты, в которых информанты рассуждают о роли языка в формировании этнической идентичности. Определённым тематическим маркером выступило словосочетание «родной язык». В ходе интервью вопрос о связи языка с самоидентификацией вызывал не рассказывание личных историй или историй о жизни других, а, скорее, становился предметом обсуждения: информанты стремились дать развёрнутый, аргументированный ответ на поставленный вопрос. В итоге для анализа данной темы идентифицировано 12 дискурсивных и 2 нарративных эпизода.

Пример дискурсивного эпизода, в котором раскрывается тема конструирования этнической идентичности, приведён в Цитате 1. Информант, не считающий себя носителем языка юпикской группы, но активно занимающийся им в профессиональной деятельности, убеждён, что можно причислять себя к какой-либо этнической группе с минимальным знанием языка или же без него: важен не языковой, а культурный аспект. По его словам, такая тенденция наблюдается у представителей младшего поколения.

Интервьюер:

У меня ещё возник такой вопрос. Я правильно понимаю, что у вас такое трепетное отношение к языку и культуре и вообще такая взаимосвязь между языком и культурой, она установлена очень неразрывно? Или все-таки можно причислять себя к культуре без знания языка?

⁷¹ Транскрипты устных дискурсов оформлены с использованием следующих условных знаков:

(.) (..) (...)	Незаполненные паузы разной длины
(a) (э)	Заполненные паузы разной длины
// \\\	Завершение фразы ровной, восходящей или нисходящей интонацией
/ \	Завершение синтагмы ровной, восходящей или нисходящей интонацией
= ==	Фальстарт с последующим исправлением
слово	Особая акцентуация на слове или фразе

Информант:

Ну, сейчас, может быть, так и происходит. Например, я принадлежу к культуре эскимосского народа, знаю историю, знаю быт, но при этом я не говорю, но всё равно считаю себя, да, что я принадлежу к этому народу. Сейчас в основном молодёжь, то есть картина такая, молодёжь, те, кто считает себя эскимосами, чукчами, они могут демонстрировать культуру через танцы, рассказы различные, но при этом знать язык очень поверхностно. Конечно, известно, что если нет языка, то и культура постепенно, да, может вместе с языком уйти, да, быть стертой. Но получается, что те, кто поют, произносят слова, если мы говорим про эскимосский язык, на эскимосском языке, танцуют, не все знают значения слов, что они там, если спросить человека, о чём эта песня, о чём вы поёте, то, скорее всего, молодой человек или девушка скажет: ну, наверное, это об этом вот. Или там какое-нибудь движение показывают, не знаю, видели ли вы короткие эскимосские танцы или нет, там в основном тоже о любви, об охоте, например, то тоже знания будут поверхностными. Вообще я тоже считаю, что если не знаешь языка, то как будет воспроизводиться, создаваться новое, на основе тех знаний, которые есть к языку. Ну вот, картина такая. Я считаю, что язык и культура всё равно, конечно, тесно связаны друг с другом, но картина сейчас такая, что молодёжь может продвигать свою культуру без прочных знаний о языке или языка.

Цитата 1 Дискурсивный эпизод, 8_YU29f

Интересно оценить нарративный эпизод, представленный в Цитате 2. Отметим, что аргументативно он противоположен дискурсивному эпизоду из Цитаты 1. Наше внимание привлекло следующее: информант, начиная рассказывать, с какими трудностями столкнулись дети в процессе обучения эвенскому, перестраивает линию наррации ещё в резюме и разворачивает повествование вокруг собственных убеждений по поводу родного языка. Здесь и далее слова, написанные заглавными буквами, являются способом привлечь внимание читателя и не передают никаких просодических особенностей речи информанта.

Интервьюер:

Вы преподавали эвенский язык в школе, правильно понимаю?

Информант:

В школе, да. Я всю жизнь проработала в одной школе. В той школе, где я сама училась, в Анюйске.

Интервьюер:

С какими трудностями чаще всего сталкивались дети при обучении эвенскому языку? Какая тема была самая сложная для них?

	<i>Информант:</i>
РЕЗЮМЕ	Да *всё* трудное было Дело в том (ээ), что они (.) в основном-то уже стали приходить (э), которые языка не знают совсем уже не знают
СЮЖЕТ	И я в журналах (ээ), когда я оформляю (.) пишу / «эвенский язык» Подписываю журнал пишу / «эвенский язык» А потом приехали с проверкой и говорят (.) «А почему Вы пишете / «эвенский язык» \\\ Надо писать / «родной язык» // Нет у вас предмета в этой школе эвенского языка, есть *родной язык* //. Я говорю: родной язык (.) это тот язык (.) на котором говорят с самого рождения А дети для них родной язык \ они с самого рождения по-русски говорят / для них родной язык это *русский* А у них / эвенский, *МАТЕРИНСКИЙ* \ язык / как ИНОСТРАННЫЙ \\\ Так же пишут / английский язык \ и так далее / русский / английский (..) а почему я не могу писать эвенский язык \\\
ОЦЕНКА	Тем более (.) это для них УЖЕ НЕ *РОДНОЙ* ЯЗЫК

Цитата 2. Нарративный эпизод, 12_EW67f

Владение миноритарным языком

Мы просили информантов дать оценку своим знаниям МЯ, а также историю его усвоения. Тема владения МЯ так или иначе затронута в 15 нарративных и 4 дискурсивных фрагментах (к примеру, Цитата 3). Интересно, что информант 9_CH83f даёт субъективную оценку своим знаниям чукотского в конце нарратива, посвящённого практике использования языка в настоящее время.

РЕЗЮМЕ	Я его знала очень хорошо \ пока было с кем разговаривать
СЮЖЕТ	А недавно я испытала, что я мысленно (..) мысленно разговаривала правильно (.) а вышла на лоджию (..) чтобы (ээ) поговорить с предками (...) вот (...) // Получилось, что на чукотском языке я уже разговаривать так чтобы ценно было (.) понятно было уже не могу, потому что не с кем общаться А вот. В уме еще я умею и п= помню свой язык
КОДА/ ОЦЕНКА	Я считаю (э) что хорошо я знаю (.) что я знаю / я не забыла \\\ В уме А вслух произнести уже не всегда получается

Цитата 3. Часть нарративного эпизода, 9_CH83f

Миноритарный язык в детстве, в семье и в общении с младшим поколением

Эта тема позволяет посмотреть на языковые трансформации на протяжении двух–трёх поколений. Сначала информант говорит, на каком языке с ним разговаривали родители, бабушки и дедушки, а затем повествует о нынешнем языковом общении со своими детьми и внуками. Роль МЯ в семье раскрыта в 15 нарративных и 4 дискурсивных фрагментах.

Нарративный эпизод, посвящённый языковому переходу с МЯ на русский, представлен в Цитате 4. Рассказ посвящён, с одной стороны, эксплицитно – коммуникации с детьми, а с

другой, имплицитно – необходимости обучения русскому языку. Сюжет нарратива построен вокруг события, обусловившего отказ матери от передачи эвенского языка своему ребёнку. Информант вербализует свой опыт посредством использования исторического настоящего времени, прямой речи, императивов и эмоционально-экспрессивных единиц («сегодня же», «вы что делаете», «ой, вы что», «тут же», «мамаша»). Кроме того, отношение к опыту прошлому выражается информантом через *динамичный* интонационный контур.

РЕЗЮМЕ	Я, например, своего старшего сына учила / дома разговаривала
ОРНТ	Как раз у него с гемоглобином плохо что-то было он в детский сад не ходил ему надо пищу было другую (.) отдельно готовить (.) богатая которая \ с железом, чтобы повысить гемоглобин И вовремя лечить \ лекарства ему давать Ну вот, в год я ему подняла гемоглобин \ гемоглобин у него повысился
СЮЖЕТ	и в год я повела его в детский сад И я когда пришла за ним (э) меня спрашивают / «А что это ваш сын *до сих пор* не разговаривает» \ Я говорю: «Почему \ Говорит» // «Нет, он не разговаривает» // «Почему Вы так утверждаете» \ «Потому что мы к нему обращаемся (.) а он ноль внимания (.) как будто бы не ему говорят Он ничего не понимает» Я говорю: «Так Вы на каком языке к нему обращаетесь наверное, по-русски» \ «*Конечно* / а на каком ещё» \ Я говорю / «Он русский язык не знает он только на своём / на *эвенском* языке говорит» / «ОЙ *ВЫ ЧТО* МАМАША» //
ОРНТ	А я тогда ещё вообще не преподавала эвенский язык. Это как раз ещё не вводили. Только в нулевом классе было, подготовительном. И там только по букварю грамоту изучали на эвенском языке и всё. Но там был другой преподаватель. А я просто учителем начальных классов работала.
СЮЖЕТ	И я говорю «А он только по-эвенски понимает» «ВЫ *ЧТО ДЕЛАЕТЕ*, МАМАША // Вы *СЕГОДНЯ ЖЕ* ПРЕКРАЩАЙТЕ с ним говорить на своём языке // ГОВОРИТЕ с ним *только* по-русски Как мы с ним будем *работать* \ И как он будет общаться *с другими* детьми» \ Ну, естественно, я *ТУТ ЖЕ* прекратила говорить с ним по-эвенски \ стала говорить уже только по-русски ==

Цитата 4. Часть нарративного эпизода, 4_EW74f

Любопытно, что представители среднего поколения (35–65 лет) были склонны совершать эксплицитный переход из одной темы в другую.

6_CH37f, отвечая на вопрос, связанный с оценкой языковой ситуации, сначала следует заданному интервьюеру вектору разговора, но затем переходит в рассказ о своём общении с дочерью (Цитата 5). По всей видимости, для информанта важным показателем текущего состояния чукотского языка являются языковые компетенции своего ребёнка. Это легло в основу личной истории об отказе обучать его чукотскому языку.

Интервьюер:	Получается, в детстве чукотского языка и культуры было намного больше, чем сейчас?
Информант:	

	Да, намного больше, чем сейчас.
	<i>Интервьюер:</i> А как вы это оцениваете?
	<i>Информант:</i>
ОЦЕНКА	Ну конечно / я держусь \ то есть (.) есть / люди (.) которые сохраняют свой язык Но сейчас очень-очень мало говорят, потому что в школах (.) в садиках не преподают (э) чукотский язык (.) все говорят только на русском
РЕЗЮМЕ	И даже моя дочка ей 13 лет
ОРНТ	она когда маленькая была \ до садика \
СЮЖЕТ	она говорила на чукотском, мы разговаривали с ней *только* на чукотском
ОЦЕНКА	И моя ошибка то, что когда с садика ее забрала \ надо было разговаривать по-чукотски
КОДА/ ОЦЕНКА	Короче \ печально немножко \\\
	<i>Интервьюер:</i> То есть получается: ваша дочь уже забыла язык, да?
	<i>Информант:</i>
КОДА	(а-ха) не, ну она все равно разговаривает \ но не так хорошо, как, допустим, разговаривают я (.) или бабушка

Цитата 5. Нарративный эпизод, 6_СН37f

Информант 3_YU52f, которого попросили описать свои чувства, вызванные отказом обучать детей языку юпикской группы, начал рассказывать о своём детстве и давать оценку языковым традициям родителей (Цитата 6).

	<i>Интервьюер:</i> Сожалеете ли Вы сейчас, что вы в детстве не говорили со своими детьми на эскимосском языке?
	<i>Информант:</i>
РЕЗЮМЕ	Ну, во-первых, я хочу о себе сказать, что я жила с родителями, которые говорили друг с другом на / эскимосском языке \ а с нами они говорили на / русском языке \\\
ОЦЕНКА	Вот это вот мне НЕПОНЯТНО ВРОДЕ оба родителя / эскимосы \ а с нами *очень / редко* говорили на эскимосском языке \\\
СЮЖЕТ	но так как они говорили / друг с другом \ то мы их хорошо понимали Ну, иногда говорили вот чисто бытовое \ какие-то вот отдельные слова / вот, и для них это еще язык (.) ну такой, может быть (..) *тайный* когда они что-то (ээ), например (.) хотели от нас скрыть \ и что-то там сказать друг другу (.) то они говорили на эскимосском языке И я все равно понимала, что они там говорили (.) вот .
РЕЗЮМЕ	И в основном мы говорили, конечно (.) на русском языке

Цитата 6. Часть нарративного эпизода, 3_YU52f

Русский язык и русификация

В данную тематическую категорию входят коммуникативные эпизоды информантов, в которых так или иначе раскрывается процесс обучения русскому языку. Подобная языковая трансформация стала темой личных рассказов информантов старшего возраста, что весьма очевидно, учитывая, что во вторую половину XX века русификация советского Дальнего Востока была в самом разгаре. Эти рассказы можно по праву назвать рассказами о ярком событии, так как информант вербализует *свой* опыт обучения русскому языку. Композиционно эта тема может быть представлена как основным событием нарратива, так и ориентацией (широким разноплановым контекстом, не ограничивающимся лишь описанием времени и места истории). Тема русификации раскрывается в 9 нарративных и в одном дискурсивном эпизодах.

Рассмотрим Цитату 7. Информант 4_EW74f прибегает к описанию освоения русского языка сквозь двойную призму отношений к эвенскому. Используется прямая речь и императивы, внутри которых употреблён глагол «лопотать». Информант даёт понять, что, с одной стороны, ученики школы время от времени говорили между собой на эвенском языке, а с другой – учителя выражали неодобрительное отношение к их родному языку. Обратим внимание на то, что Цитата 8 является продолжением Цитаты 5.

РЕЗЮМЕ	... кстати (ээ), когда мы учились в школе, нам тоже запрещали говорить на р== на родном языке (...)
ОРНТ	Дело в том, что нас привозили из тундры ну, в 50-е гг, начале 50-х гг меня вот привезли Мы *совершенно* из тундры в посёлке никогда не были На оленях нас (.) привозили в школу
СЮЖЕТ	И мы ни одного слова по-русски не знали русских никогда не видели / мы их даже *боялись* И нам (э) запрещали говорить на своём языке Говорили / «Опять вы на своём языке ЛОПОЧЕТЕ \ \ Опять (.) ВЫ / ЧТО ТАМ \ *ГОВОРите* по-русски \ \ И тоже объясняли это (.) знаете (.) опять-таки будто это(.) ну (..) конечно (.) может быть(.) и для благих намерений, чтобы быстрее научились говорить на русском языке Потому что обучение ведётся на русском языке, а мы *действительно* (.) многое не понимали (ээ), заучивали наизусть, чтобы отвечать правила и так далее.
КОДА	Зато может у нас и память развилась
ОЦЕНКА	Вот такие вот дела были

Цитата 7. Часть нарративного эпизода, 4_EW74f

Язык и общество. Использование миноритарного языка за пределами семьи

Из рассказов о том, где МЯ можно было услышать раньше и в каких сферах употребляется он сейчас, представляется возможным представить, какие языковые практики

бытовали ранее и бытуют сейчас. В данный тематический блок входят повествования о функционировании языка в СМИ, образовании и культуре, рассказы об использовании языка в жизни за пределами семьи, описание языкового ландшафта и т. д. В общей сложности было обнаружено 24 дискурсивных и 8 нарративных фрагментов, в которых информанты сообщают о языковых практиках настоящего и прошлого. В качестве примера приводится Цитата 8.

Интервьюер:

Так, а теперь еще, знаете, Вы сказали по поводу газет и радиовещания, что в общем-то газет на эскимосском не издается, а радиовещание в очень раннее время происходит. А какого формата передачи вещаются?

Информант:

Ну, например, в понедельник у нас идет передача так называемая «Мир инуитов», она посвящается жизни, например, эскимосов Чукотки большей частью, но иногда там звучит информация, например, о канадских эскимосах, гренландских, песни их, сказки. По вторникам у нас называется «Нунавут: наша земля» передача, ну вот, в этой передаче мы в основном рассказываем... то есть звучат передачи, это, песни, то есть творчество, сказки, рассказы, танцевальное искусство, вот. А по средам новости десятиминутные недельные. Вот, да. В понедельник передача идет 15–20 минут, во вторник 15 минут и в среду 10 минут. Все. Вот в остальное у нас эскимосский язык не звучит, то есть последнее время, действительно, время сократили. В советское время, конечно, его больше звучало.

Цитата 8. Дискурсивный эпизод, 3_YU52f

Языковой активизм и меры поддержки сохранения МЯ

Другой стороной языковых практик является языковой активизм общественных организаций, и этому аспекту также было уделено внимание во время интервью. Информанты сообщали о проводимых фестивалях, акциях, об ансамблях, существующих мерах поддержки языка. Эта тематика была представлена в 11 дискурсивных фрагментах и в 3 нарративных.

Помимо общественных инициатив, направленных на сохранение языка и культуры, речь шла и о личном активизме. За рассказами и повествованиями о своём вкладе в развитие языка скрывается личная оценка. К примеру, информант 3_YU52f выражает недовольство тем, что немногие участники включаются в интерактивное обучение эскимосскому языку в группе мессенджера (Цитата 9).

Ну и то, что, вот сейчас мы все с телефонами и в Ватсапе, то у нас создана группа, которая называется «Учимся говорить по-эскимосски», у нас там около 70 человек, которая объединяет эскимосов, например, Провиденского района, города Анадыря, поселка Уэлькаль Иультинского района. Вот эскимосы между собой общаются и учатся говорить на эскимосском языке, причем там вот те знатоки, которые у нас старейшины, они пишут на эскимосском языке и на русском языке. Уже было проведено несколько уроков по языку, и, смотрю, вот прямо люди, которые вот в этой группе, они с удовольствием занимаются. Конечно, не все, было бы хорошо, если бы все проявили интерес, ну, может быть, некоторые стесняются. Потому что есть там у нас, например, задания, упражнения «озвучить», опять же там, может быть, 5–6–7 человек участвуют, а вот некоторые, я потом спрашиваю, звоню, говорю: «Ты чего не участвовал?», он говорит: «Ой, я что-то стесняюсь, а то будут надо мной смеяться», вот.

Цитата 9. Дискурсивный эпизод, 3_YU52f

Оценка текущей языковой ситуации

Наконец, мы просили информантов дать оценку нынешней языковой ситуации, назвать возможные причины и предложить свои варианты сохранения и развития языков. Кроме того, информанты выражали своё отношение к эффективности проводимых мероприятий по сохранению и развитию языков (см. цитату 10).

Но я ... это Вы самое больное место у меня, в моём сердце – это НЕЗАЖИВАЮЩАЯ, КРОВОТОЧАЩАЯ РАНА – эвенский язык. Меня очень беспокоит настоящее и будущее моего эвенского народа, потому что это всё связано с языком, вы знаете. Нет языка, и нет народа. Я сильно-сильно беспокоюсь, правда, в каком плане сейчас у нас вообще очень тяжёлая сложилась языковая и этнокультурная ситуация. Это отсутствие языковой среды, потом уход из жизни носителей родного языка, знатоков духовной и материальной культуры. Вот. Они все уходят из жизни, и после них ничего не остаётся.

Цитата 10. Дискурсивный эпизод, 12_EW67f

Завершая анализ, скажем, что разделение коммуникативных эпизодов на нарративные и дискурсивные было необходимым этапом для изучения факторов формирования языковых практик в диахроническом срезе. Нарративные эпизоды сообщают о том, *какие* осложняющие события произошли, *каковы были* место рассказчика в истории и его вклад в развитие событий, какие эмоции он испытывает в *настоящем* в процессе вербализации опыта *прошлого* (*вину* за прерывание межпоколенческой передачи языка, *гордость* за проведённые мероприятия по популяризации языка и так далее). Таким образом, нарративные эпизоды помогают выявить собственно ЯУ.

Дискурсивные эпизоды, напротив, являются описательными. Дискурсивный эпизод, не обладающий чётким сюжетом, реже может вскрыть истинные чувства, вызванные каким-либо

определённым событием, и поэтому выполняет описательную функцию. В дискурсивном эпизоде сообщается о текущем положении дел. Другими словами, нарративный эпизод отвечает на вопрос «как?», а дискурсивный – на вопрос «что?».

Установлено, что МЯ используется преимущественно как средство общения младшего поколения со старшим (4,5%) или старшего со старшим (2,2%), реже – старшего с младшим (4,5%). Некоторые родители используют МЯ в общении со своими детьми посредством мессенджера, отправляя детям сообщения на родном языке (2,2%). Говоря об использовании языка за пределами семейного круга, информанты отметили, что могут спокойно начать разговор на родном языке с незнакомцем на улице (3,7%), однако не слышали ранее и не слышат язык в медицинских учреждениях, магазинах, банках, отделениях связи (5,2%). Отметим, что в 1,5% эпизодов информанты рассказывали, как говорят на МЯ наедине с собой.

Есть определённая закономерность, связанная с ЯУ и ЯИ. Информанты, которые росли в окружении МЯ (чаще всего – в стойбище оленеводов), сформировали следующую ЯИ. Они считают, что без знания родного языка нельзя сохранить культуру и передать её младшему поколению в полном объёме (4,5%). Без знания языка нельзя называть себя чукчей/эскимосом/эвеном, невзирая на этничность родителей.

В то же время, информанты, воспитывавшиеся в окружении носителей русского языка, заявляют, что этническая самоидентификация человека определяется не родным языком, а менталитетом и этнической принадлежностью родителей (4,5%). Подобный примордиализм приводит к следующему суждению информантов: между языком и культурой нет стопроцентной зависимости; язык ценен сам по себе. Информанты, придерживающиеся данной точки зрения, были склонны говорить со своими детьми преимущественно на русском языке и, испытывая в настоящий момент чувство вины за «упущенное прошлое», стремятся оправдать себя, во-первых, низким престижем МЯ, во-вторых, отсутствием модели семейного общения на МЯ и, в-третьих, факторами этнической самоидентификации в свете глобализации.

Рассуждая о языковой ситуации, никто из информантов не назвал нынешнее положение и возможные перспективы языков благополучными. В 3,7% коммуникативных эпизодах встречаются такие лексические единицы, как «катастрофа», «точка невозврата», «необратимый процесс», «не заживающая рана на сердце». Однако ещё в 3,7% эпизодах, несмотря на выраженную озабоченность современной языковой ситуацией, информанты возлагали надежды на общественные организации и инициативы, направленные на популяризацию языков.

4 | Заключение

Исследование показало, что нынешнее положение чукотского, эвенского, языков юпикской группы в самом деле незавидное. Языки изучаются в школах факультативно, вещание на них осуществляется в малом объёме. Эти языки не нужно учить, чтобы занимать должности госслужащих. В больницах, банках и прочих социальных институтах городов эти языки практически не используются. Русификация Севера, набравшая в 1950–1960-е гг. невероятные обороты, не смогла искоренить малочисленные языки, но сильно скорректировала языковые практики носителей.

Проанализировав полученные в ходе интервью данные и сопоставив их с теоретическими работами, можно констатировать следующее:

- «Давление» русского языка во всех сферах обусловило так называемый несвободный выбор языка общения внутри семьи и зависимость его от социокультурного контекста. К примеру, представители чукотской этнической группы, выросшие в тундре, склонны передавать свой родной язык детям и использовать его в качестве инструмента общения наравне с русским языком. С другой стороны, эскимосы, выросшие в национальных посёлках, с детства находятся под бóльшим влиянием русского языка. По этой причине представители этнических групп, воспитывавшиеся вне традиционного контекста, не передают МЯ детям в полной мере.

- Русификация второй половины прошлого столетия отразилась не только на доменах использования МЯ, но и на сознании носителей. Язык автохтонного населения первого поколения стал звучать только в узких кругах общения – так, чтобы никто не мог высказаться о «некультурности» говорящего. У представителей этнических групп Чукотки, в конечном счёте, сформировался своего рода рефлекс: они стали меньше употреблять родной язык и, как следствие, отказались от его передачи детям, не желая, чтобы они также подверглись осуждению.

- Поколение представителей этнических групп Чукотки, родившихся во второй половине XX века, чьё становление, по сути, пришлось на период возрождения этнического самосознания, сформировало новые языковые установки и практики: носители МЯ не ограничиваются общением со своими детьми на родном языке исключительно в устной форме. Используя язык в бытовой жизни хотя бы на базовом уровне, они расширяют сферу его употребления с помощью мессенджеров. Кроме того, жители Чукотки создают группы по

изучению языков. С одной стороны, этот вывод весьма очевиден, так как именно это поколение впервые начало пользоваться продуктами технологического прорыва. С другой стороны, изменение политического и идеологического курса в конце 1980-х гг., вследствие которого и началось возрождение этнической идентичности, в конечном счёте и вызвало поиски новых путей популяризации МЯ и формирование новых языковых привычек.

ЛИТЕРАТУРА

- Кутковая Е.С. (2014) Нарратив в исследовании идентичности // Национальный психологический журнал. №4 (16). С. 23–33.
- Меновицков Г. А. (1964) Язык сиренинских эскимосов: фонетика, очерк морфологии, тексты и словарь. Л.: Наука. 220 с.
- Меновицков Г.А. (1975) Язык науканских эскимосов: (фонет. введ., очерк морфологии, тексты, словарь). Л.: Наука. 512 с.
- Меновицков Г.А., Вахтин, Н.Б. (1990) Эскимосский язык: Учеб. для уч-ся пед. уч-щ – 2-изд., дораб. Л.: Просвещение. Ленингр. отд-ние. 303 с.
- Хилханова Э. В. (2025) Языковые идеологии // Социоллингвистика. № 3 (23). С. 210–224. DOI: 10.37892/2713-2951-3-23-210-224.
- Bruner J. (2004) Life as Narrative // Social Research 71, no. 3. pp. 691–710.
- De Reuse W. J. (2013) Diminutive vowel neutralization in Central Siberian Yupik Eskimo: A possible explanation // Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies. Vol. 9. No 3. P. 299
- Jacobson S.A. (2005) History of the Naukan Yupik Eskimo dictionary with implications for a future Siberian Yupik dictionary // Études/Inuit/Studies. Vol. 29, No. 1–2. pp. 149–161.
- Labov W., Waletzky J. (1966) Narrative analysis: Oral versions of personal experience // Helm J. (Ed.) Essays on the Verbal and Visual Arts: Proceedings of the American Ethnological Society. P. 12–44.
- Labov W. (2004) Ordinary Events // Sociolinguistic Variation: Critical Reflections. ed. C. Fought, Oxford: Oxford University Press, 2004. pp. 31–43.
- Labov W. (1997). Some further steps in narrative analysis. Journal of Narrative & Life History, 7(1–4), 395–415.
- Pavlenko A. (2008) Narrative Analysis. In The Blackwell guide to research methods in bilingualism and multilingualism / ed. by Li Wei and Melissa Moyer. Wiley-Blackwell. pp. 311–325.
- Schwarz N., Bohner, G. (2001) The construction of attitudes // Intrapersonal processes (Blackwell handbook of social psychology) / Oxford: Blackwell.. pp. 436 – 457.
- Yin R. K. (2016). Qualitative Research from Start to Finish, Second Edition. New York: The Guilford Press. 386 pp.

REFERENCES

- Kutkovaya, E.S. (2014) *Narrativ v issledovanii identichnosti* [Narrative in the Study of Identity]. Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal [National Psychological Journal]. № 4 (16), pp. 23–33. (In Russian).
- Menovshchikov, G.A. (1964) *Yazyk sireniskih eskimosov: fonetika, ocherk morfologii, teksty i slovar'* [The Language of the Sirenik Eskimos: Phonetics, Morphology, Texts, and Dictionary]. Leningrad: Nauka. 220 p. (In Russian).

- Menovshchikov, G.A. (1975) *Yazyk naukanskih eskimosov: (fonet. vved., ocherk morfologii, teksty, slovar')* [The Language of the Naukan Eskimos: (Phonetics. introduction, morphology sketch, texts, dictionary)]. Leningrad: Nauka. 512 p. (In Russian).
- Menovshchikov, G.A., Vakhtin, N.B. (1990) *Eskimosskij yazyk: Ucheb. dlya uch-sya ped. uch-shch – 2-izd., dorab.* [Eskimo language: Textbook for students of pedagogical schools – 2nd edition, revised]. Leningrad: Prosveshchenie. Leningr. otd-nie. 303 p. (In Russian).
- Khilkhanova, E.V. (2025) Yazykovye ideologii [Language Ideologies]. *Sociolinguistics*. № 3 (23), pp. 210–224. DOI: 10.37892/2713-2951-3-23-210-224. (In Russian).
- Bruner, J. (2004) Life as Narrative. *Social Research* 71, no. 3, pp. 691–710.
- De Reuse, W. J. (2013) Diminutive vowel neutralization in Central Siberian Yupik Eskimo: A possible explanation. *Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the Institute for Linguistic Studies*. Vol. 9. No 3, pp. 299–314.
- Jacobson, S.A. (2005) History of the Naukan Yupik Eskimo dictionary with implications for a future Siberian Yupik dictionary. *Études/Inuit/Studies*. Vol. 29, No. 1–2, pp. 149–161.
- Labov, W., Waletzky, J. (1966) Narrative analysis: Oral versions of personal experience. Helm J. (Ed.) *Essays on the Verbal and Visual Arts: Proceedings of the American Ethnological Society*, pp. 12–44.
- Labov, W. (2004) Ordinary Events. *Sociolinguistic Variation: Critical Reflections*. ed. C. Fought, Oxford: Oxford University Press, 2004, pp. 31–43.
- Labov W. (1997). Some further steps in narrative analysis. *Journal of Narrative & Life History*, 7(1–4), pp. 395–415.
- Pavlenko, A. (2008) Narrative Analysis. In *The Blackwell guide to research methods in bilingualism and multilingualism* / ed. by Li Wei and Melissa Moyer. Wiley-Blackwell, pp. 311–325.
- Schwarz, N., Bohner, G. (2001) The construction of attitudes. *Intrapersonal processes (Blackwell handbook of social psychology)* / Oxford: Blackwell, pp. 436 – 457.
- Yin R. K. (2016). *Qualitative Research from Start to Finish*, Second Edition. New York: The Guilford Press. 386 pp.

Александр Александрович Артамонов

Младший научный сотрудник,
Центр социокультурных и этноязыковых
исследований, Факультет гуманитарных наук,
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация.

Адрес для корреспонденции:
101000, Российская Федерация,
г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Эл. адрес: the.alexanderartamonov@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-4975-5522>

Alexander A. Artamonov

Junior researcher,
Center for Sociocultural and Ethnolinguistic
Research at the Faculty of Humanities,
National Research University Higher School
of Economics,
Moscow, Russian Federation.

Correspondence address:
20 Myasnitskaya Ulitsa,
Moscow 101000
Russian Federation.

Email: the.alexanderartamonov@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-4975-5522>

Эржен Владимировна Хилханова

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник,
Научно-исследовательский центр по
национально-языковым отношениям,
Институт языкознания Российской академии
наук,
Москва, Российская Федерация.

Адрес для корреспонденции:
125009 Российская Федерация,
г. Москва, Большой Кисловский пер., 1/1.

Эл. адрес: erzhen133@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9369-343X>

Erzhen V. Khilkhanova

Doctor Habil. in Philology,
Leading Researcher,
Research Center on Ethnic and Language
Relations,
Institute of Linguistics of the Russian
Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation.

Correspondence address:
1/1 B. Kislovsky lane,
Moscow 125009,
Russian Federation.

Email: erzhen133@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9369-343X>

Для цитирования: *Артамонов А.А., Хилханова Э.В.* Языковые установки, идеологии и практики носителей миноритарных языков: опыт нарративно-дискурсивного анализа // Социолингвистика. 2026. № 1. С. 159–180. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-01-09

For citation: *Artamonov A.A., Khilkhanova E.V.* Language attitudes, ideologies, and practices of minority language speakers: the experience of narrative-discursive analysis // Sociolinguistika. 2026. No. 1. Pp. 159–180. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-01-09

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 02.09.2025;
approved after reviewing 10.05.2026;
accepted for publication 30.06.2026.